

У Переправы Персикового источника раскинулись неоглядные персиковые сады.

Хотя весна уже клонилась к закату, здешние деревья все еще стояли в буйном цвету. С побережья казалось, будто бело-розовые облака опустились на землю, сливаясь с плывущим над рекой туманом, и это зрелище невольно наполняло душу безмятежностью.

По завету почившего бессмертного, чужакам закрыт был путь к Переправе Персикового источника без заступничества или приглашения адептов школы Улин. Да и самим ученикам предписывалось соблюдать строгий запрет: на территории переправы не позволялось ни летать на мечях, ни скакать верхом — добираться следовало исключительно по воде от персиковой пристани. У берега путников уже ждал лодочник школы Улин. Возглавляемая Сюэ Линцзином группа поднялась на борт просторной крытой лодки, которая мягко закачалась на волнах, держа курс к раскинувшемуся впереди розовому мареву.

Размеренная качка убаюкивала Шитоу. Лениво позевывая, он лежал на мягкой кушетке. С тех пор как они поговорили начистоту и он открыл Сюэ Линцзину правду о школе Цаншань, его положение заметно улучшилось.

Бисяо, ручной белый журавль Сюэ Линцзина, устроился прямо у него под боком. Длинная, изящно изогнутая шея птицы покоилась на изодранном рубище нищего, а узкий клюв ласково утыкался в ямку под ключицей Шитоу.

— Глава школы Сюэ, а ваша птичка-то ко мне ластится, — Шитоу жалобно покосился на Сюэ Линцзина. — Посмотрите на неё, в глазах же так и читается: «Погладь меня, ну погладь». Сердце кровью обливается! Может, договоримся? Снимите Заклятие Обездвиживания, а я её потискаю?

Гордый журавль, словно понимая человеческую речь, послушно потерся головой о щеку юноши.

Сюэ Линцзин даже не обернулся, холодно бросив:

— Бисяо никогда ни к кому не ластится.

Шитоу безмолвно уставился на настырного пернатого, прилипшего к нему точно банный лист. Делать было нечего — он прикрыл глаза и под мерный плеск волн за кормой вскоре провалился в глубокий сон.

Школа Улин укрылась в глубине ущелий Переправы Персикового источника. Её владения простирались на три пика и восемнадцать пещер, и лишь на одном склоне да в трёх пещерах не росли персиковые деревья. Вся остальная округа утопала в цветах, отчего даже от одежд

учеников Улин исходил тонкий, едва уловимый аромат персикового цвета.

Шитоу этот запах недолюбливал. Стоило ему вдохнуть сладковатый цветочный дух, как разум заволакивали сны.

Так случилось и теперь.

Во сне он чувствовал себя так же, как наяву: закованным в невидимые путы, бессильно лежащим на ложе без возможности даже разомкнуть веки. Ему оставалось лишь безропотно подчиняться чужим рукам. Чьи-то ладони мягко коснулись его лба, осторожно разглаживая залегшую меж бровей складку.

— Не бойся, — раздался у самого уха едва слышный, щекочущий шепот.

Затем теплые сухие губы прижались к мочке уха, скользнули ниже, очерчивая контур челюсти, и замерли в шаге от его губ.

«Трус несчастный, — подумал Шитоу. — Даже сейчас не смеешь поцеловать по-настоящему».

— Тсс, — снова раздался хриловатый голос, на этот раз чуть громче. — Не убегай.

Сильные руки обняли его за талию, прижимая спиной к широкой теплой груди. Их тела соприкоснулись, идеально дополняя друг друга. Незнакомец мягко развернул его лицо к себе и поцеловал в лоб.

Шитоу наконец удалось разомкнуть веки, но из-за неудобного положения он не мог разглядеть лица — лишь столкнулся взглядом с парой глубоких, как озерная глубь, темно-зеленых глаз.

Их обладатель разжал губы и тихо позвал его по имени. Голос прозвучал чисто и звучно, словно рокот потревоженной струны циня:

— Се Цюши.

Когда они сходили на берег, строй изменился. Сюэ Линцзин, шедший до этого позади всех, теперь возглавлял шествие. Рядом двое учеников несли носилки с обездвиженным Шитоу.

Перед пиком их встречали глава Среднего пика Фу Цинфэн с винным кубком в руке и глава Нижнего пика Юй Дайлань, опиравшийся на рукоять меча. Позади них ровными рядами стояли полтора десятка владык пещер. Главы пиков щеголяли в белоснежных одеждах, владыки пещер облачились в лазурные халаты. Все как один статные, благородные и изящные — на фоне цветущего персикового сада они смотрелись на редкость живописно.

— Сяо Сюэ! — восторженно завопил Шитоу. — Погляди только! Твои птенчики радуют глаз похлеще девок в самом роскошном столичном борделе!

Сюэ Линцзин смолчал.

Ученики тоже лишились дара речи.

Десятки возмущенных взглядов скрестились на грязном замарашке, который так бесстыдно ухмылялся рядом с их главой. Фу Цинфэн из чистого приличия поинтересовался, кто этот гость, а Юй Дайлань лишь презрительно фыркнул и поспешно отвернулся, словно созерцание нищего могло осквернить его взор.

— Не обращайтесь на него внимания, — ровным тоном произнес Сюэ Линцзин. — Мы направляемся к Могиле сокрытого аромата.

Фу Цинфэн опешил и нерешительно спросил:

— Шицзунь желает почтить память павших учеников Пещеры Водного Утеса?

— Младший брат Фу, — негромко отозвался Цэнь Цихэ. — Мы доставили тело Чжан Цифэна.

Фу Цинфэн замер в изумлении. Он запрокинул голову, сделал несколько жадных глотков из кубка, а затем растерянно похлопал стоявшего рядом Юй Дайланя по плечу и указал пальцем на собственное ухо, словно сомневаясь в услышанном.

Юй Дайлань на мгновение помрачнел и глухо выговорил:

— Примите мои соболезнования.

Печальная процессия двинулась в путь. По дороге Цэнь Цихэ подробно изложил все, что им удалось разузнать в уезде Фэй. Разговор не клеился, над толпой повисла тяжелая тишина. Лишь когда показалась Могила сокрытого аромата, Фу Цинфэн хрипло спросил:

— А как же похороны Чжан Цифэна?..

— По воле шицзуня и моему разумению, обойдемся без пышных церемоний, — ответил Цэнь Цихэ. — Сейчас главное — найти убийцу и восстановить справедливость.

Фу Цинфэн снова приложился к кубку. Из его горла вырвался пьяный ик, однако шаг мужчины, вопреки выпитому, стал заметно тверже.

— А этот твой второй ученик — забавный малый, — ухмыльнулся Шитоу, косясь на Сюэ Линцзина. — Я слышал, он из благородных, тот еще бабник и повеса. Почему же при встрече он больше похож на заправского пропойцу?

Сюэ Линцзин покачал головой:

— Праздные увлечения губительны для самосовершенствования.

— И поэтому он глушит сердечные муки вином? — прыснул Шитоу. — Очаровательно.

«Будь у меня свобода движений, — подумал Шитоу, — я бы непременно раззадорил этого падкого на плотские утехы пьяницу, как давеча Цэнь Цихэ».

Но увы, после долгого пути по воде и ярких эротических грез — какими бы безумными и сладострастными ни были ласки в его сне, — реальность встретила его все тем же параличом. Конечности словно намертво приросли к носилкам.

Тело Чжан Цифэна омыли, облачили в церемониальные лазурные одежды с эмблемой Пещеры Водного Утеса и предали земле в простом гробу. На свежем могильном холме не стали ставить надгробия — Сюэ Линцзин лишь сорвал персиковую ветвь и бережно воткнул её в рыхлую почву.

Персиковые деревья неприхотливы, а подпитавшись духовной силой заклинателей, эта ветвь пустит корни без труда. Уже следующей весной здесь зацветет молодой куст, наполняя воздух сладким благоуханием.

Ученики затянули хором Заклятие Возрождения и заупокойные сутры. Шитоу слушал их унылое пение вполуха, пока его не осенила мысль:

— Раз уж вы не ставите памятников, как вообще находите могилы остальных тридцати с лишним бедолаг?

— Каждая травинка и каждое дерево на Переправе Персикового источника запечатлены в наших сердцах, — ровным голосом ответил Цэнь Цихэ. — Мы никого не забудем.

— А-а-а, вот оно как! — протянул Шитоу. — Тогда почему бы прямо сейчас, в такой прекрасный день, не раскопать их все и не показать нам? Чисто из любопытства!

Не успело затихнуть последнее слово, как воздух с глухим свистом рассекла тяжелая сталь. Раздался резкий удар: массивный обоюдоострый меч вонзился в землю в каком-то дюйме от виска Шитоу. Лезвие меча пронзительно вибрировало, а Юй Дайлань, крепко сжимая рукоять, срезал прядь волос с виска наглеца.

— Паршивец, — ледяным тоном процедил глава пика Юй, славившийся своей немногословностью. — Еще одно слово — и я снесу тебе голову.

Шитоу состроил самую невинную мину и кокетливо выпятил губы:

— Раз уж ты подобрался так близко, может, поцелуешь меня?

Лицо Юй Дайланя налилось багровым гневом. Он замахнулся, намереваясь отвесить негодяю звонкую пощечину, но Сюэ Линцзин легким жестом перехватил его запястье.

— Шицзунь! — возмутился Юй Дайлань.

Однако великий мастер даже не взглянул на ученика. Его взор был прикован к молодой персиковой ветви неподалеку.

Цэнь Цихэ проследил за его взглядом и спросил:

— Шицзунь, это дерево посажено всего несколько дней назад. С ним что-то не так?

— Оно погибло, — тихо произнес Сюэ Линцзин. Он указал на несколько соседних побегов. — А эти? Их тоже посадили недавно?

Цэнь Цихэ присмотрелся к увядшим листьям, и внутри у него все похолодело. Скрепя сердце, он кивнул:

— Да. Именно на этих местах мы предали земле тела тридцати восьми учеников.

Сюэ Линцзин устало коснулся пальцами висков и глухо приказал:

— Раскапывайте.

Лица учеников мгновенно сделались мертвенно-бледными. Цэнь Цихэ подошел к ближайшему засохшему саженцу, обхватил ствол ладонями и потянул вверх, но дерево словно что-то держало изнутри.

— Шицзунь! — воскликнул он, меняясь в лице.

Сюэ Линцзин молча кивнул в знак согласия.

Цэнь Цихэ резко рванул ветку на себя, и толпа ахнула от ужаса.

Там, где у персиковой ветви должны были пуститься молодые корни, плотным кольцом свернулась жирная белая личинка. Этот огромный червь, «Весенний пожиратель парчи», беззвучно вгрызался в древесину, недовольно извиваясь всем телом, словно досадуя из-за отсутствия свежей плоти.

— Ого, а эта тварь куда жирнее той, что вылезла изо рта Сюй Чжэнсюаня, — подал голос Шитоу. — Похоже, она сожрала мертвеца целиком, раз вымахала до таких размеров.

Ученики принялись лихорадочно копать землю. Углубившись на несколько чжанов, они так и не обнаружили никаких следов тел. В ямах осталась лишь вязкая, зловонная желтая жижа, облепившая камни и корни деревьев. Потревоженный червь, почуяв свет и близость живых людей, извивался все яростнее, силясь отыскать новую жертву. Юй Дайлань молниеносно взмахнул мечом, разрубив копошащуюся гадину пополам.

— У вас три дня, — негромко, но властно распорядился Сюэ Линцзин. — Сделайте все возможное, чтобы очистить Могилу сокрытого аромата от скверны.

Заклинатели склонились в глубоком поклоне. Дав последние наставления, глава школы призвал верного журавля и взмыл ввысь, направляясь к своей резиденции на вершине Среднего пика.

«Прекрасно, — подумал Шитоу. — Этот святоша просто бросил меня на произвол судьбы».

Впрочем, не только Сюэ Линцзину не было до него дела — во всей школе Улин не нашлось бы человека, готового проявить к нему хоть каплю сочувствия.

— Кхе-кхе! — Шитоу лежал на земле бревном, провожая тоскливым взглядом спящих вокруг благообразных учеников. Ему было смертельно скучно. Наконец он не выдержал и зычно прокричал: — Эй, почтенные! Кто-нибудь хочет попрактиковаться в снятии Заклятия Обездвиживания?

Но заклинатели были слишком заняты: одни выкорчевывали засохшие персики, другие уничтожали полчища паразитов. Никто даже ухом не повел.

Шитоу призадумался и зашел с другого боку:

— А может, кто-то спать не может, так мечтает вышвырнуть меня отсюда к чертям собачьим?

И это сработало: десятки разгневанных глаз разом уставились на него.

Фу Цинфэн, покачиваясь и прихлебывая из кубка, с мягкой улыбкой подошел ближе:

— Молодой господин, коли заставишь нашего шицзуня дать согласие, я лично найму для тебя роскошный паланкин и с почестями выпровожу из этих мест.

Юй Дайлань брезгливо покосился на собрата:

— Будешь якшаться с грязной обезьяной — сам в нее превратишься.

Фу Цинфэн пропустил шпильку мимо ушей. Он пристально разглядывал испачканное лицо Шитоу, словно пытаясь разглядеть скрытые под грязью черты. Вдруг его глаза загорелись любопытством. Ведя пальцем в воздухе вдоль контура его лица, он проговорил:

— Красоты Персикового источника и изысканные вина не к лицу чумазому оборванцу. Но судя по твоим чертам, юноша, под этой коркой грязи скрывается весьма недурственная внешность. Как насчет того, чтобы я самолично умыл тебя?

— Фу! — огрызнулся Юй Дайлань. — Перестань распускать хвост перед каждым встречным.

Тот лишь добродушно рассмеялся, отхлебнул еще глоток и действительно достал чистый платок, чтобы намочить его в протекавшем рядом ручье.

Шитоу не на шутку перепугался.

«Вот уж воистину — сам себе яму вырыл», — пронеслось в его голове.

Закованный в невидимые оковы, он не мог даже пошевелиться, а потому принялся вопить во все горло:

— Эй-эй-эй! Стой, полегче! Не смей ко мне прикасаться! Прекрати! Помогите-е-е!

— Убивают! Грабят! Благородные бессмертные насилуют невинного юношу средь бела дня!

От этих воплей и бесстыдной лжи лицо Юй Дайланиа сделалось пугающе бледным. Терпение его лопнуло. Резким движением он схватил Шитоу за волосы и без лишних церемоний окунул его лицом прямо в студеную воду ручья.

— Буль-буль-буль... кхэ... буль...

Только когда Шитоу изрядно нахлебался воды, свирепый глава пика вытащил его обратно на берег.

Парень судорожно заморгал, пытаясь смахнуть нависшие на ресницах тяжелые капли, и

инстинктивно опустил взгляд на водную гладь.

В зеркальной бегущей струе ручья отражалось безупречно чистое, красивое лицо.

<http://bllate.org/book/18360/1798414>